

А. П. Павлов

ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Власть - категория, достаточно «уязвимая» с точки зрения общественных наук. Это не связано с недостатком внимания к данному феномену. Наоборот, изобилие теорий и концептов власти, которые часто противоречат друг другу, порождает дополнительные эпистемологические трудности.

Вплоть до середины XX столетия доминировали взаимосвязанные парадигмы: волонтаристская (Ф.Ницше, фрейдизм) и политического господства (Т.Гоббс, Макиавелли, Парето). Они объединяли вокруг себя теории и доктрины на основе ряда принципов.

Во-первых, власть рассматривалась прежде всего как сила, как политически оформленное силовое влияние.

Во-вторых, власть как сила рассматривалась не как средство, а как цель самое себя. Власть всегда обращена на себя.

В третьих, власть иррациональна по содержанию и рациональна по форме.

Последний принцип М.Вебер пытается обосновать посредством корреляции понятий "власть" и "господство". Власть предшествует господству как иррациональное волевое начало, как любая возможность осуществлять в обществе собственную волю, не считаясь с тем, есть ли для этого соответствующие ресурсы. Господство же нуждается в том, чтобы волевое воздействие сопровождалось повиновением.

Глубокое понимание сущности власти дает М.Хайдеггер. Природа власти двойственна. С одной стороны, власть иррациональна в том смысле, что ориентируется исключительно на способности "держаться в самом себе, т.е. в своем существе, только превосходя и превышая самое себя" [1. С. 65].

Наряду с "самоовладением" у власти есть другой модус - самоопределения.

Власть не только демонстрирует свою силу. "Для того чтобы воля к власти в качестве преодоления могла превзойти какую-то ступень, эта ступень должна быть не только достигнута, она должна быть инкорпорирована, даже властно фиксирована, иначе преодоление не могло бы быть преодолением" [1. С.99]. По М. Хайдеггеру, власть нуждается в конструировании собственного смыслового поля, внутри которого она проясняет собственные основания, подтверждает собственные ценности. Эти ценности выполняют роль "разметок возрастания власти", ее точек отсчета, перспектив, благодаря которым возможно ее дальнейшее наращивание. Таким образом, заключает немецкий философ, "воля к власти и полагание ценностей есть одно и то же" [1. С. 101].

М.Вебер и М.Хайдеггер не только преодолевают дихотомию рационального и иррационального власти, но и вплотную подходят к проблеме ее идентичности и самоидентичности. Для того чтобы власть была действенной и эффективной она должна обладать не только ресурсами насилия, подавления, но прежде всего когнитивными ресурсами. Действительно, даже откровенно диктаторские режимы нуждаются в том, чтобы их признавали в качестве легитимной власти. Насилие, не подкрепленное этим признанием со стороны большей части населения не способна сколько-нибудь долго их поддерживать. И, наоборот, применение силы будет эффективным тогда, когда оно признается населением законным по существу.

Не в формально-рациональной, а в феноменальной легитимности содержится возможность самой власти. Иными словами, власть существует постольку, поскольку население ее идентифицирует с помощью повседневных образов, представлений как нечто самодостаточное, очевидное. Она должна "вписываться" в мир тех ценностей, которые существуют в качестве феноменальной данности обыденного сознания людей. Власть одновременно выступает и как генератор социальных ценностей, и как важнейшая составляющая социального (ценностного) порядка.

Удивительная живучесть многих жестоких и одиозных политических режимов в истории (восточные деспотии, политические порядки тоталитарного и авторитарного типов и т.д.) объясняется тем, что применяемые их институтами насильственные действия в виде репрессий, принуждения, "дисциплинирования", ограничения свобод и т.д. "естественным" образом инкорпорированы в социальную реальность и идентифицируются членами общества как ее неотъемлемая часть.

Таким образом, легитимность власти тесно связана с легитимностью создаваемого ею социального порядка. Последний можно определить как "устойчивые образцы социальных ожиданий и структур в любом обществе" [2, С. 256].

Наличие устойчивых образцов, ценностей, совсем не означает, что социальный порядок осуществляется автоматически, в соответствии с заданным алгоритмом. Власть использует специальные технологии для поддержания как самих образцов и ценностей, так и веры людей в то, что именно через них они могут идентифицировать себя в качестве личностей. В разных общественных системах эти технологии могут существенно различаться. Однако в любом случае их основой выступает процесс легитимации.

Процесс легитимации исследован П.Бергером и Т.Лукманом [3]. Данный процесс связан с институционализацией, под которой американские социологи понимают складывание когнитивных структур общества в практике повседневных социальных взаимодействий индивидов. Институциональный порядок представляет собой одновременно объективную систему социальных норм и форм социального контроля, а также интериоризированные в обыденном сознании людей представления о том, каким этот порядок должен быть, какие

социальные типы его представляют и какие действия с их стороны необходимы для того, чтобы ему соответствовать.

Каждый социальный тип репрезентирует "свой" порядок, причем теми способами и в тех формах, которые диктуют им институциональное знание. Дворянин стремится жить по правилам и нормам, присущим данному социальному типу. Это относится и к крестьянину, купцу, мещанину и т.д.

Проблема власти не столько во множественности институциональных порядков, сколько в их смысловой и онтологической связности. В традиционном обществе связность обеспечивается наличием единого символического пространства и присущих ему социокодов, позволяющих данным порядкам, несмотря на различные типы социальной идентичности, которые они представляют, вполне ужиться и коммуницировать друг с другом.

Так, например, в русском феодальном обществе сосуществовали порядки различных сословий и классов: дворянства, крестьянства, духовенства, купечества, казачества и т.д. Сосуществование вовсе не означало "классовый" мир и полное принятие и признание социальных позиций друг друга. Не случайны многочисленные социальные конфликты: бунты, восстания, войны. Но во всех случаях социальные конфликты не выходили за рамки тех смысловых границ, которые обеспечиваются социокодами, заложенными в данном историческом социуме. Иными словами, в традиционном обществе существует единый гиперпорядок, которому соподчиняются частные (сословные, общинные, цеховые и т.д.).

Возможно, крестьянин проклинал свою судьбу, ненавидел помещиков, ругал царя и его окружение. Но он не мог представить порядок социума иным. Этот "космический" гиперпорядок представлялся ему чем-то естественным, самоочевидным.

В процессе конституирования социальных порядков происходит консолидация индивидов в общности, которые призваны их поддерживать. По традиции наиболее распространенные крупные общности людей чаще всего называют классами.

Разумеется, классы вполне реальны, ибо признаки, которые объединяют людей в данные общности, имеют объективную, прежде всего экономическую природу.

П.Бурдьё рассматривает коммуникативную общность в феноменологическом дискурсе как "магическую корпорацию" или "класс на бумаге" [4. С. 92,93].

Это означает, что класс существует благодаря поддержанию его членами веры и представлений в то, что он (класс) обладает определенным ценностным весом в обществе; т.е. класс предстает как некий идеальный тип, вбирающий в себя всю сумму разделяемых его представителями типизации: образцов поведения, жизненных установок, стереотипов.

Конечно, реально существующая общность людей и ее идеальный тип не одно и то же. Тем не менее, типизированный образ класса очень важен с точки зрения социальной идентификации и консолидации ее членов, поддержания общего настроения или, если воспользоваться термином М.Хайдеггера, общей заботы о совместном бытии.

Типизированный образ класса - основа фиксации границ смыслового пространства, которое «экранирует», фокусирует человека как целостность, как Я.

Это смысловое пространство гетерогенно, многослойно. Оно включает в себя различные поля жизнедеятельности индивидов. Внутри каждого поля циркулирует так называемый символический капитал - система благ, жизненных ресурсов, поступков, воспринимаемых людьми как престижные, должные. В качестве символического капитала могут выступать вещи, социальные статусы, должности, награды, знания и т.д. Индивиды стремятся занимать предпочтительные позиции внутри полей, осваивая присущий ему символический капитал.

Каждый индивид в разных полях ведет себя по-разному. Однако между полями, вокруг которых группируются классы, существует структурная связность, для фиксации которой П.Бурдьё использует понятие "габитус".

Он понимает под габитусом ансамбль социальных позиций индивидов (их реальное положение в социальном пространстве) и диспозиций (их представления о своем положении, а также схемы и стереотипы мышления, предрасположенности, вкусы). В габитусе фиксируется особенность той или иной общности, группы, их дистанцированность от других.

Культурный капитал французский ученый рассматривал как инструмент утверждения гегемонии различных социальных сил (классов). С нашей точки зрения, он есть материал, с помощью которого формируются смысловые границы, «разметки», ориентиры бытия или, точнее говоря, события индивидов. Они дают человеку ощущение реальности (sense of one's place).

Во второй половине XX века наблюдается перенос акцента в социальных движениях с борьбы за гегемонию на борьбу за идентичность.

Проблема идентичности (сохранение индивидами своего лица) в конце столетия стоит остро. Она затрагивает различные слои населения как развитых, так и развивающихся стран.

Одна из причин «кризиса идентичности» - размывание символических границ между социальными общностями и, как следствие, ослабление чувства групповой (классовой) солидарности. Это дало повод некоторым социологам утверждать, что в современных условиях классовая теория устарела.

Однако в последние годы в мире складываются новые способы и принципы социальной идентификации индивидов и соответствующие формы коммуникативных общностей. Чтобы уловить эту тенденцию, нужно показать

структуру и динамику социальной идентичности общностей, уходящих с исторической сцены. Последние подразделяются на традиционные (соответствующие традиционному обществу) и модернистские общности (соответствующие модернистскому или индустриальному обществу).

Традиционному обществу соответствует определенный символический универсум. Это целостная символическая система кодов, правил и принципов поведения, которая программирует действия индивидов, обеспечивает непрерывность и органичность процесса социальной идентичности. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, проблемы идентичности в традиционном обществе просто не существует, поскольку она подтверждается самим фактом бытия индивидов в данном обществе. «В таком обществе идентичности легко узнаваемы, как объективно, так и субъективно... Рыцарь является рыцарем, а крестьянин - крестьянином как для других, так и для себя самого» [3, с.265].

Итак, традиционным общностям не приходится конструировать специальные технологии для подтверждения (легитимации) собственных образов идентичности («крестьянина», «рыцаря», «дворянина», «бюргера»). Они подтверждаются самим символическим универсумом традиционного общества. Благодаря ему общество переводится в более обширный космический (священный) план, приобретает трансцендентное измерение.

Помещик мог сочувствовать своим крестьянинам, но он не сомневался в «естественности» своего социального статуса. Даже разжалованный и сосланный в Сибирь русский дворянин оставался дворянином. Иным он быть просто не мог. Крестьянин мог проклинать свою участь, но он был крестьянином до конца жизни.

Идентификация приобретала форму ритуалов по поддержанию символического универсума как субстанции бытия, как священного канонического образа, в котором все «прописано», надо только «правильно уметь читать».

Модернистские общности, прежде всего экономические классы эпохи классического капитализма нуждаются в особых технологиях, стратегиях по поддержанию образов идентичности. Дело в том, что вместе с процессами первоначального накопления капитала, буржуазными революциями происходит ослабление единого священного космоса, прежде всего ортодоксальной католической церкви. Земной человеческий мир эмансипируется от священного космоса, обретая качество самоценности. Этот процесс, как известно, М. Вебер называл «разволшебствованием».

Все это означает, что классам приходится подтверждать, легитимировать свои образцы идентичности с помощью специальных социальных практик. Их смысл - конструирование земных, светских символических универсумов, наделение их священными чертами. Основным инструментарием выступают идеологии, которые рациональным образом препарировывают действительность, подчиняя ее интересам определенных классов.

В этом мире уже нет былого священного единства. Классам необходимо бороться за утверждение, гегемонию собственных образцов идентичности с другими. Тем не менее, мир классического капитализма четко структурирован, в нем существуют четкие демаркации между классами и их образцами идентичности.

Заслуга буржуазии в том, что она создала символический универсум и образцы идентичности и для себя, и для своего антипода - пролетариата. Последний не только потенциальный «могилищик» буржуазии, но и необходимое дополнение к ее идентичности. Собственно говоря, процессы идентификации в капиталистическом мире происходят в бинарной системе «буржуазия/пролетариат». Одна идентичность определяется через другую. Иными словами, представители буржуазии или пролетариата идентифицируют себя со «своим» классом перед лицом другого.

Общим полем взаимодействия, пересечения форм идентичности выступают четко артикулированные понятия: «капитализм», «буржуазия», «пролетариат», «консерватизм», «демократические свободы», «социальный прогресс» и т.д. Все эти идеологические фикции позволяют классам взаимно типизировать, «ставить на место» друг друга.

В мировом сообществе конца XX столетия происходит размывание этих «метафизических» понятий как в сфере социального познания, так и в повседневной жизни. Иными словами, в современном мире ценностный, культурный капитал, на который мог бы опереться тот или иной класс, утрачивает качество субстанциональности. Кроме того, этот капитал разбросан, он не размещен в пределах символических универсумов, которые так характерны для традиционного и модернистского обществ.

Единых символических универсумов просто не осталось. В современном обществе существует множество не только субъектов власти (общностей, групп), но и порядков, в рамках которых эти субъекты подтверждают свою идентичность. Между порядками могут возникать разрывы, приводящие к социальным конфликтам. Так, на наш взгляд, важнейшей причиной мощных общественно-политических движений в конце шестидесятых годов XX века в странах Запада можно считать выдвижение новых маргинальных общностей, чья идентичность не «вписывалась» в рамки тех ценностей, которые олицетворяли истеблишмент. Речь идет о различных неформальных молодежных группах, хиппи, сексуальных меньшинствах, феминистском движении и т.д., которые демонстрируют не просто оппозиционность по отношению к официозному порядку, но и собственный ценностный капитал, не совместимый с «буржуазным».

Известно, что уже к середине семидесятых годов «борьба за идентичность» не носила столь радикального характера. По крайней мере все указанные движения вполне уживались с институтами власти. Чем объяснить, что на протяжении последних десятилетий западные общества не испытывают серьезных потрясений, несмотря на все возрастающий плюрализм социальной структуры и прогрессирующую динамику неравенства?

Многие социологи и политологи связывают это с абсолютным ростом материального благосостояния значительной части населения развитых стран в послевоенные годы. Однако, на наш взгляд, глубинную причину

отсутствия глобальных социальных катаклизмов, революций в этих странах в конце XX века нужно искать в реструктуризации мирового общественного порядка.

В основе реструктуризации лежат сложные процессы, которые затронули все сферы социального бытия и творчества. Сущность этих процессов многие обществоведы "схватывают" с помощью не вполне ясного понятия "постмодернизм". Не пытаясь полемизировать с ними по поводу корректности использования данного понятия, используем его как условный, "рабочий" термин.

Среди многообразия признаков постмодернизма отметим лишь те, которые, по нашему мнению, имеют отношение к формам и технологиям осуществления власти в конце XX столетия.

Во-первых, как было отмечено, в мировом общественном порядке в эпоху постмодернизма нет "центра" и "периферии". Можно сказать, что он распадается на множество порядков, между которыми нет четкой субординации, нет единой субстанциональной основы. Время священных космосов, суперидеологий вроде коммунизма или национал-социализма прошло. Ни у одного порядка, ни у одного института власти "нет алиби".

Во-вторых, социальное пространство уже не имеет четких смысловых и ценностных границ, т.е. нет очевидных и конечных пределов, за которые переходить не дозволено никому.

Разумеется, мы не беремся утверждать, что в современном мире социальные нормы и ценности (без которых невозможна ни одна власть) утрачивают регулирующую и контролирующую роль. Однако их природа, формы и способы воздействия имеют специфическую особенность.

В развитых обществах Запада на протяжении веков формировалась и отшлифовывалась гибкая система кодов, правил, которая позволяла различным субъектам власти заявлять о себе, проявлять свою идентичность. Она включала в себя развитую правовую базу, правовую культуру, протестантскую этику, рационалистический строй мышления и т.д. Но в последние годы появляются нормативные регуляторы, которые как бы надстраиваются над ней, воздействуют на нее.

Их появление связано с еще одной тенденцией в динамике мирового порядка. Речь идет об исключительной роли социальной коммуникации в функционировании современных общественных систем. По Н. Луману, общество представляет собой сеть коммуникации, которая наделяет его важнейшей функцией - самореференции. "Система развивается благодаря самореференции. Она может управляться и контролироваться только благодаря частям данной системы, т.е., системе как таковой" [5, с. 100]. Способность социальной системы к самореференции, т.е. к отслеживанию тех изменений, которые происходят внутри нее, делает ее в высшей степени организованной и динамичной. Кроме того, свойство самореференции системы и отдельных ее частей (институтов, групп и т.п.) дает новые возможности различным субъектам власти реализовать свой потенциал. Так, например, отслеживая процессы, происходящие на "нижних этажах" социальной системы, в различных сферах общественной жизни, а также контролируя собственные изменения, властные институты страны, региона, города способны принимать более эффективные управленческие решения.

Однако способность к самореференции требует специальных технологий.

Речь идет о так называемых дискурсах. В самом широком понимании дискурсы (или дискуссии, по М.Фуко) - организованные практики коммуникативных действий, выполняющие ряд функций.

1. Формирование особых коммуникативных пространств (ландшафтов).

Каждому ландшафту, будь это молодежная тусовка, научная конференция, супермаркет, футбольный стадион, соответствует свой комплекс дискурсивных практик. Так, участник футбольного зрелища на стадионе пользуется особым дискурсом, т.е. всем комплексом коммуникативных средств, делающих его причастным "футбольному ландшафту". Например, он облачается в соответствующую одежду, носит атрибутику любимого клуба, использует определенные жесты и слова в знак поддержки своей команды.

Таким образом, между ландшафтом и дискурсом существует диалектическая связь. Дискурсы формируют ландшафт как относительно устойчивую коммуникативную (виртуальную) среду. И только внутри этой среды индивиды могут оперировать теми же дискурсами как инструментарием их идентификации. Наглядно демонстрируют эту диалектику процедуры различного рода научных конференций, презентаций, конкурсов и т.п. Как правило, значительная часть времени на них отводится "бессмысленным" речам и церемониям. Но последние, тем не менее, выполняют очень важную роль в партиципации, т.е. в создании общего настроения, обстановки соучастия в "общем деле".

2. Продуцирование стилей и игровых (имитационных) моделей поведения, которые лежат в основе процессов стратификации на современном этапе. По мнению многих обществоведов, в новых исторических условиях как на Западе, так и в России утрачивают роль традиционные социальные статусы индивидов.

Последние представляют устойчивые позиции внутри исторически сложившихся социальных порядков. Обладать статусом - значит соответствовать императивам, имманентно присущим данным порядкам. Человек в традиционном обществе мог достигать более высокого социального статуса в рамках объективно существующего ценностного пространства. Новые статусы условно можно назвать аскриптивными (приписываемыми). Социальная идентичность достигается путем взаимного "наклеивания", приписывания индивидами друг другу определенных "номинаций" в различных дискурсивных кампаниях, манифестациях, "вызовах". Речь идет о специально спланированных, сценарированных играх, особых ритуалах, благодаря которым происходит виртуальная идентификация индивидов. Но в новых "постмодернистских" условиях виртуальная идентичность выполняет

онтологическую роль. Например, демонстрация "теннисного" дискурса, посещение определенных тусовок, презентаций, речь и т.д. Все это создает возможность приобщения к современному истеблишменту.

3. Вместе со стилями и статусами дискурсивные практики формируются особые коммуникативные общности. Это могут быть как организованные толпы, телевизионные аудитории, участники различных шоу-кампаний, так и достаточно стабильные группы. В любом случае эти общности существуют как таковые в силу наличия желаний и ресурсов поддерживать игру в идентичность. Как только желания и ресурсы исчерпываются, общности, как правило, распадаются.

Разумеется, все сказанное не означает, что общности с традиционными формами идентичности, ориентированные на устойчивые статусные ценности, не сохранились. Но даже они вынуждены инкорпорировать новые способы идентичности. К примеру, в различных фирмах используются специальные технологии, направленные на поддержание внутренней солидарности, сплоченности внутри коллектива (PR, презентации, выставки, праздники, униформа и т.д.).

Все указанные тенденции в мировом общественном порядке затронули и Россию. В условиях распада старых ценностей и институтов, всеобщей маргинализации общества кризис социальной идентичности виден невооруженным глазом. Причем это касается не только беднейших слоев, но также материально благополучных категорий населения. Отсутствие единого ценностного пространства (в условиях СССР оно все же существовало) приводит к тому, что создаются искусственные виртуальные порядки и связанные с ними виртуальные формы и способы идентификации. Только в отличие от стран Запада, где эти порядки не противоречат, а естественным образом дополняют базисные западные ценности (право, протестантская этика, институт собственности), в России они (виртуальные порядки) играют исключительную роль в фабрикации типов идентичности и фактически в структурировании самого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2. М.: Вече, АСТ, 1999.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
4. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
5. Luhmann N. Essays on self-reference. N.Y.: Columbia University Press, 1990.